

United States Holocaust Memorial Museum
Oral History Interview
Belarusian Witnesses Documentation
Project

RG-50.674.0009.01.01

Елизавета Доленга-Вжосек

17 августа 2011

Таре #1

Интервью с Елизаветой Доленга-Вжосек

-Здравствуйте.

-Здравствуйте.

-Назовите, пожалуйста, ваше имя и фамилию.

- Елизавета Доленга-Вжосек .

-Скажите, пожалуйста, какого вы года рождения?

- 1929.

-Где вы родились?

-Город Млава, это в Польше, недалеко от Варшавы, регион Мазовше.

-Какое-то время тому назад к вам приходили мои коллеги и вы рассказывали им о ваших воспоминаниях в пору второй мировой войны, на этот раз мы пришли, чтобы заснять ваши воспоминания. Скажите, пожалуйста, когда война началась, где вы жили?

-Вначале, когда началась польско-немецкая война, мы жили в Варшаве и в начале сентября удирали от немцев и оказались в Барановичах. Мы удирали и должны были доехать до города Ровно, там родители папы жили – дедушка с бабушкой, но уже никак нельзя было доехать, немцы бомбили и мы остановились в Барановичах. Барановичи горели, бомбили страшно Барановичи. И попросили, ехал человек под воды, и мы оказались в Столовичах – это 10 км от Барановичей.

-Столовичи? Там деревня так называлась?

-Столовичи – это местечко.

- И вы всю войну жили в этом местечке?

-В этом местечке были да всё и с 1939 года и оккупация советская, и оккупация немецкая – всё время там жили.

- Т.е. до конца уже там жили?

-До конца.

-Скажите, пожалуйста, а в этом местечке, там проживали евреи?

-Там проживало... До войны там было хорошо, там симпозиум был и евреи, и поляки, и белорусы – они не ругались и нормальные отношения были. Я сужу по началу сентября 1939 года, когда оккупация русская началась. И все было нормально. А если речь идет о цифрах, то там было, по данным 390 евреев жило. Но в сентябре приехало так как и мы, беженцы очень много беженцев с запада Польши евреев, которые тоже удирали от немцев. И между ними были вот семья, о которой будем говорить, семья Ричарда Вангеры. Они из Варшавы, мы с Варшавы – мы так познакомились с ними.

- И так что они тоже были в Столовичах?

-Они тоже в Столовичах жили

-Вы помните еще другие какие-то еврейские семьи из Столович?

- Еще помню двух учителей - Сильвия Самсоновна, которая учила меня в школе в третьем классе и Евсей Ефимович Сашин, он был беженец из Праги, один из главных ведущих инженеров на БАТИ. Куда Сильвия Самсоновна не помню девалась, а Евсея Ефимыча немцы забрали. Помню там, что допустим была такая семья еврейская, они... их специальностью было резать курей. Ну, по закону я не знаю, как там... Мы тоже все носили, никто не мог зарезать цыплёнка, носили чтобы зарезать. И еще помню Тхаю, которая прекрасные булочки носила, каждый день она к нам приносила. Такие вкусные я уже никогда больше в жизни не пробовала. Утром она приносила. Пока деньги были, покупали у нее эти булочки.

И все было нормально, не было никаких трений. Как я много читала, что евреи и встречали советы с флагами, и что евреи выдавали поляков и

белорусов русским – это неправда, по крайней мере, в Столовичах только, в Столовичах этого не было.

- Что вы лично видели, что вы знаете о судьбе евреев в годы войны?

- Страх был. Страшно было. Сначала было всё хуже и хуже, их притесняли, работы не давали, старались где-то как-то то стукнуть, то... со звёздами они ходили.

- Они с самого начала ходили со звёздами?

- С самого начала звёзды были. А после, я не помню, какое число было, их забрали в гетто уже. Где-то четвертая часть от Столовичей, если так перечеркнуть, четвёртая часть Столовичей это было гетто. Колочая проволока конечно, полицаи, которые... полицаи конечно не немцы. Это были полицаи поляки, белорусы, литовцы...

- Как местные? Тоже были из Столовичей?

- Из Столовичей. Очень много было полицаев столовических. Они считали, что их обидели советы, и поэтому они будут служить им, подались в полицию. И вот возвращаюсь к родителям. Они за взятку, конечно... Он нашёл вне гетто работу, и его жена, я не помню, жена там была. Он работал, жена там была уборщицей. И ещё за большую взятку он единственный был, брали туда Рисека на работу. Да-да, на ночь они должны были возвращаться. Ну, и пришёл один страшный день, когда мы пришли на работу. Мама где-то закрылась. Мама со мной не прощалась, и я больше маму не видела. А папа его привёл Рисека к нам, ну и Рисек у нас остался. Этот вернулся, пошли в гетто на следующий день. Всех, там было не 390, там было около 600 человек, всех их погнали на расстрел, а Рисек остался у нас.

- Когда это гетто создавали, вы видели, как его они сооружали?

- Я не видела в данный момент. Я уже, когда проволокой...

- И там была только проволока или там был забор какой-то?

- Ну, столбики и проволока на эти столбики нацеплена

- Это было в каком-то жилом квартале?
- Жилой квартал. Да-да-да-да
- И так что люди жили в тех домах внутри?
- Ну, их конечно гораздо больше, чем бы нормально жить. Их согнали, я вам говорю ещё, потому что к этому добавились все беженцы Польши и даже ещё из гетто барановического думали, что в Столовичах лучше. Из Барановичей где-то бежали, прибегали приходили в гетто столовическое, думали там будет лучше.
- А вы не помните, в каком году это гетто соорудили?
- Сорок третий.
- И как долго это гетто просуществовало?
- Год... Год, да. Подождите. Меньше года. Их же расстреляли в 43-м году. Значит... Я не помню числа. Я знаю только, что в марте 43-го. Ранняя весна, когда их расстреляли в 43-м году.
- Как далеко было это гетто от вашего дома?
- Ну, с километр. Я говорю если на четыре части разделить, здесь дорога Барановичи-Новогрудок, здесь наполеоновский тракт, и вот одна четвёртая часть это было гетто. Оно как раз здесь гетто, а мы в другом конце жили.
- И вы часто видели это гетто в то время, когда оно существовало?
- Когда мы ходили... Мы тогда уже очень плохо жили, есть нечего было. Мы мимо гетто ходили. Там есть такая деревня Поленичицы, после вам про неё расскажу, и ещё дальше Домашевичи, где были знакомые, и мы к ним просто ходили побираться. Ну, у них там коровы были, и они нам давали то молоко, то масло. И мимо гетто ходили. Но таких страхов как описывают, читаешь про гетто варшавское, там не было. Там с голода ещё не умирали. Оно не так долго существовало гетто, и некоторые выходили, как эти два венгра выходили работать, так что там голода такого абсолютного не было.

- Но их всегда выводили под конвоем или они сами выходили?
- Конечно-конечно, вот только венгры сами выходили за большие взятки. Как Рисек не так давно мне сказал, сколько его отец, что у них было, какое у них золото или запасы, они всё отдали на взятки. Двум человекам они очень большие дали взятки, чтобы их спасли. И вот когда пришёл такой аховый момент, они отказались отпускать их... Рисека. Я как-то спросила Рисека - «У вас же были какие-то деньги? И почему папа моей маме...» «Мы уже абсолютно ничего не было. Отец уже всё отдал на своё спасение, которое оказалось... увы...»
- И что вам было видно, когда вы проходили мимо гетто? Что вам было видно внутри? Чем занимались люди? Что делали? Что вы слышали?
- Обычная, обычная бедная жизнь. Кто-то плакал, кто-то сидел, кто-то руки ломал. Вот такое. Ничего такого сверхъестественного не было видно.
- А как обращались полицейские с этими заключёнными гетто?
- Если они подходили ближе к забору, если они хотели выйти, конечно, очень грубо и прикладом могли отогнать. Ну и конечно ругань - там, в основном была польско-белорусская ругань, ну это мат-перемат.
- То есть в основном эти полицейские разговаривали по-польски или по-белорусски?
- Да, да-да-да.
- А вы не знаете, были из других мест какие-то полицейские или вот из этой территории?
- Это с этой территории, местные, местные всё. Много литовцев было.
- Литовцы тоже?
- Много литовцев.
- А как вы распознали, что они литовцы?
- По-литовски говорили между собой.
- И вы могли понять как, что они по-литовски говорят?
- Ну а когда и польский, белорусский, а там литовский можно было понять.

-А немцев там было?

-Мало очень, немцы приезжали с Колдычева. И у нас пастэрунак, как по-русски пастэрунак? -отделение полицейское...полицейский участок был! И там...там не было никаких немцев, там были только поляки, белорусы. А командование их было в Колдычеве в Барановичах. Ну, Колдычево вы слышали, там недалеко этот огромный лагерь?

-Да. А когда они уже сворачивали этот гетто, вы видели, как все происходило, когда они уже разобрали всё?

-Этого я не видела, это был такой шок. И я может быть начну с того, что как Рисек к нам пришел, привели и мы даже этого как-то не знали, а отец Рисека сказал, что завтра нас поведут стрелять. Мама, боясь -ну Рисек уже у нас, может быть кто-то видел как его привели к нам, это еще темно не было- , мама меня и няню отправила я вам называла деревню Домашевичи. «Идите в Домашевичи, здесь не будьте». Мы пошли в Домашевичи. В этом, в гетто было тихо, спокойно было, вот мы проходили - и мы поздним вечером - было спокойно. И на второй день эта моя няня: «Я не выдержу, пойдём, пойдём обратно!» Она очень маму любила. «Пойдём, Тереса в опасности, пойдём к ней!» Вот я помню с ней под ручку идём. Я вам уже говорила, от гетто да это Наполеоновский тракт - большая широкая дорога и деревня Поленичицы огромная, двухкилометровая. И мы прошли деревню Поленичицы, как-то как в улье там и вышли, как я это называю, на Бродвей. Вы знаете, этого не забыть. Люди вот так, бегом-бегом, как те мурашки, только мурашки медленно, а то бегом...

-Вы про деревню Поленичицы говорите?

-Поленичицы, да.

-Это вот вы все там видели, да?

-Из Поленичиц в гетто бегали, чтобы...чтобы побольше...уже всех евреев...Мы выстрелы слышали и..А люди бегают, чтоб побольше

награбить. Это такой кошмар был. И эта моя тетя Зося (я тетя Зося её называла, няню) она так страшно как-то я не знаю у нее волосы сюда и такие...сердолобивая: «Гэй, жыдоуки, не идзице, там ваших страляюць, идзице...» (взяли нас за еврейки) «не идзице, там ваших страляюць, идзице назад!» И это и тазы, и какие-то одежды, и табуретки – и всё это бегом, чтобы вернуться, чтобы опять это...это вы знаете, это какой-то кошмар был. Ну вот это...

-То есть это люди местные, они таскали всё?

-Все это таскали с гетто, вот эти, эти два километра вот бегом это все бежало. Столовичские тоже, тоже, ну мы как раз по той дороге из Поленичиц заходили. И пришел вечер.

-Можно я уточню только? Вы сказали, что слышали выстрелы?

-Да, очень...

-А до этого или как?

-Стреляли евреев...

-И в то же самое время, когда вы шли?

-В то же самое время, уже как евреев вывели, тут же начали эти коршуны эти налетели на этот, а стреляли очень долго, потому что евреев, как я вам говорю, около 600, я точно цифру не помню.

-А что за выстрелы вы слышали, не помните, как очереди?

-Очередь, очередь, очередь, очередь. Их, после говорили только...сами евреи копали такие длинные-длинные рвы на этот...и долго копали, они стояли. Вот я этого не могу понять, почему они стояли, стояли и ждали. Ну, попеременно мужчины копали. После толстая такая доска и на доску эту по 6-7 человек загоняли и очередь – кто совсем живой, кто раненый, кто мертвый падали и по очереди так шли, так что это очень долго было. Стреляли очень долго. Спокойно стояли и ждали. Это...до сих пор я этого не могу понять.

-Но про это вы слышали со слов других?

-Я там не была, я вечером -этого себе не могу простить, но ребенок это я была-, но я вечером с другими детьми побежала туда...

-В тот же самый день, да?

-В тот же самый день, уже сумерки были, уже перестали стрелять, уже там никого не было.

-А сколько часов продолжалась вот эта стрельба примерно?

-Где-то с обеда до часов 5 может, часов 5 эта стрельба шла. И после с детьми побежала туда... Вы себе можете представить муравейник, который вот так? И это так было. И меня вырвало, я побежала домой. А ночью говорили, до 30 человек выбралось. Ну и были правы, когда говорили, что их полицаи по наводке местных жителей почти всех поймали. Поймали, но им еще обещали, ну обещали, что вас уже не будут стрелять, опять в гетто. И в гетте около 50 человек жило еще недели две, после двух недель их расстреляли на месте. Тех, которых поймали.

-А вы их видели потом уже в гетто, как этих людей после этого, вы видели или нет?

-Нет-нет, не видела, я только... И тут начинается такой второй страшный этап этот самый ужасный. Первый ужасный - это как я видела, как носили эти...эти вещи, второй – это как я увидела этот муравейник людской.

-А там возле ямы были какие-то предметы или что-то, или ничего не было?

- Я не помню этого, это такой...я только на этом, вы знаете, как ребенок все-таки в этих 12 лет мне тогда было...и я смотрела только на это. Я знала, что там люди и это...Вы себе не представляете, это не дай бог когда-нибудь кому-нибудь в жизни увидеть. И еще это вечером, вечером женщины –верующие католички, там, в основном, католики были, они уже в платьях красивых еврейских вышли на улицу прогуливаться. Это...это немыслимо. Это немыслимо. Они под ручки ходили и вот завидуйте, вот у тебя нет такого, ты не успела ограбить, а я надела такое платье. Это

кошмар. Прошло дня три после этого и к нам пришла Гита, не понимаю, почему к нам. Пришла Гита, здесь у нее -это была дочь раввина- и у нее это одеяние раввина (не знаю как оно называется)- большое белое какое-то, халат не халат, и с этим халатом она пришла к нам . Она не...ее не стреляли, она где-то в подвале была и ее не нашли. И мы в доме. Где-то Рисек 2 года моложе меня, Гита 2 года старше – дети хи-хи ха-ха. И мама разозлилась: «Так не может быть, вы кричите!» И Гиту перевели в сарай. По-белорусски гумно. Гумно – это только там, где сено. И в сене сделали Гите – это был видно конец марта, потому что ночи холодные были - сделали Гите постель и Гита там жила. Там ей (по-польски она хорошо читала) я ей книги носила и два раза в день я ей носила в ведре, ставила миску с теплой какой-то едой – пар шел с ведра. Ну и вот так прошло дней десять. Одну ночь, один вечер тетя Зося говорит: «Слушай, очень холодно будет, занеси Гите коноплянку». Это старое, старое такое... Коноплянка – это типа пледа с фрэенсами этими вот так женщины эти с коноплянками. И я занесла ей коноплянку, выхожу из сарая, на пороге (порог и таких две ступеньки) стоит мама и (как я говорю «О! Тоже мама еще») флиртует с каким-то эсесовцем, в черном одетый, очень красивый, по-польски...по-польски говорит. А два полица мимо меня и прямой наводкой в гумно. Я смотрю на маму, думаю, что она с ума сошла, чего она с этим гадом флиртует? А он: «Ой, какая пани ладна, пани барзо ладна, я слышам, что пани на пиянине играете, я приду к вам паслушать, я Шапэна люблю, тэтэ.» Вот в таком духе. И полицаи, смотрю, полицаи ведут Гиту. Вот у нее еще этот плед. Сравнялась с этим эсесевцем и немножко сбоку стоят эти полицаи, Гита остановилась с ним и на пани Тересу «дзенькую пани за вшистку». И только она это кончила говорить, он так таким небрежным вынимает пистолет и вот сюда. Так все кровь, мозги все это на нас летит, Гита падает. Я так после думала, хорошо она не надеялась, что ее будут стрелять так быстро, она не мучилась, она тут же упала. А он, улыбаясь,

маме: «А сейчас, а терас чебья як того, як ту суку» и на маму пистолет. Я так на маму бросаюсь: «Нееееет!» Таким знаешь, уже таким нечеловеческим голосом. «Нееее!» И он голоса...может быть этот голос ему... как-то испугался и он опустил пистолет. «Ну добже, как договорились, я приду слушать. Но эту суку не трогать, пускай здесь гниет. Чтоб напоминала вам». Мы в доме сидим плачем, Рисек...Рисек под кроватью лежит, Рисеку ничего не говорим. И через каких-то полчаса, час, я не помню через сколько, но он пришел. Мама ему играет, пианино вот так стоит, так стоит пианино, а там какая-то из досок сделана не то диван, не то кровать. И как никого нет, этот отодвигаем, Рисек там сидит, как кто-то есть, он лежит под этой кроватью. Мама играет, а Рисек под кроватью этой лежит. Мама играет-играет, мы с тетей трясемся, все...в таких страшных случаях, вне силы какой-то поставила бутылку воды, бутылку самогонки и что было какой-то быстренько закуску. «Прошу пана, пан голодны, прошу до стола» - это тетя Зося, ну... «Вы голодный, пожалуйста, к столу». И мама с ним села за стол, в кухне уже и мама, ой, тетя Зося наливает ему самогонку, маме воду. Ну как он выпил целую бутылку этой самогонки, и мы смотрим – стол у стены и такая большая лава – и он свалился. А, он еще маме предложение сделал еще раньше: «Ты така ладна естишь, мы с тобой покоханием» - нууу, любовью займемся. Но он свалился, еще часа два прошло. Полнач – за ним приехали, забрали. Ну, вот это, это вы знаете, сколько лет, а вот я все как, всех, какие выражения лица и этого немца я тоже...я не знаю или он из Съези или из Познани, но прекрасно по-польски. И я его узнала бы сейчас, и Гиту, ну все, как и даже какие-то растения там около порога и этот порожек, что немножко испорчен. Я все это... Ночью правда соседи тут хорошие были, пришли и у порога Гиту закопали. Уже боялись куда-нибудь везти, у порога закопали. Вот это, это такое. А после были будни, два года...

-А Рисеку вы тогда рассказали, вы предупредили его, что зайдет вот немец, через какое-то время придет в дом, чтобы он не высовывался?

- Нет, ничего, он знал. Что кто-нибудь... А еще такой цирк на дроце скажу, как я смеюсь, цирк на дроце – один эсесовец, СД – белорусы были в СД... И он себе возомнил, что после войны он будет великим певцом в театре. Но поскольку видно у мамы единственной у нас в Столовичах было пианино, вернее, пианино не наше, а вывезли советы вглубь России и осталось пианино, всё разграбили в этом доме, а пианино никому не надо было, осталось. И пришел к маме: « Я буду певцом, а ты сейчас будешь мне аккомпанировать, будем репетировать». И вот понадобилось ей один раз – он сел на эту , зашел за пианино, туда не на кровати, не на стуле здесь сидел, а сел отдыхать на кровать. И я вижу руку Рисека. А если б я сейчас еще рассказывала... так говорил, не только рука, а и мой нос касался его носка обуви. И он: «Зялены дубочак на гай прыхилиуся, малады хлопец у дзеучыну улюбюся». Видите, помню это. Поёт каким-то, как тетя Зося говорила, этим голосом ослиным пел, но пел. А я стою у порога и вижу руку Рисека и думаю, а он пукнет, а он чихнет, а он...ну сразу всех нас, конечно, он застрелит. А вдруг смотрит на меня, по-белорусски казау: «Чаго у твёй дзяучыны такія вялікія спалоханыя вочы?» Не знаю, не помню, что мама ответила, я помню «Чаго у твёй дзяучыны такія вялікія спалоханыя вочы?» Но мама говорит: «Вы уже устали» (на ты), «Ты уже замарыуся, на сення канец». Ну...пошел.

-А вы помните, как его звали?

-Того немца не помню.

-А вот этого? он после него, белорус был?

-А этого убили, он удирали с немцами и после его кто-то опознал в Берлине и его судили, в Барановичах и убили. Я забыла, как его звали. Я, мы всегда его называли «зялёны дубочак».

Ну, вот такие, вы видите, какие я вам рассказала. И почему Гиту забрали, я всегда это повторяю, что польский народ, белорусский, литовский (кстати, я и с литовцами разговаривала) не хотят... большинство не хотят поверить, что местное население было, ну не все конечно, но было очень много плохих людей, которые боялись, что остались свидетели. Они нагнали и они боялись, чтобы ... Почему Гиту, кто-то выдал ведь Гиту, кто-то видел как я ношу ей, в этом гумне не было никаких ни телят, ни поросят, а почему я ведро ношу и пар идет. И кто-то не хотел, чтобы были свидетели, то дома заняли, может быть, золото как Рысика отец двоим, какие-то лишние я не знаю и Рисек не знает, но что-то дал им, чтобы они там их или сына спасали. Да конечно боялись, что останутся свидетели. И, и вот это, так что едва была в этом очень много, это правда.

-А как долго вот Рисек оставался у вас дома, прятался?

-Больше года.

- И все время вот он жил просто под кроватью, вы его прятали каждый день?

-Иногда он, большинство у нас, но иногда мама договаривалась в деревню. Вечером мама одевала его в мою одежду, под ручку и вела куда-то в деревню. Но в деревне он побудет дней 10, две недели...

-А куда в деревню?

-Рядом со Столовичами, чтоб коров пасти и чтоб там жил, ну две...

-Это у кого-то конкретно, у семьи какой-то?

-Конкретно, да-да.

-У какой семьи?

-Мы с Рисеком к ним ездили, к двум семьям, но я, я не попала. К одним, их фамилия Межинские.

-Межинские?

-Ой, извиняюсь, Нестеровичи, Старая Мышь, вот там заводили.

-Это Старая Мышь – это название деревни?

-Название деревни... Ну что, он побыл у них две недели, приводят: «Извини, Тереса, но люди начали интересоваться, мы боимся за него, за себя».

-Это были ваши знакомые, эти Нестеровичи?

-Наши знакомые, да-да-да, наши знакомые. А еще дальше деревня и мы туда ездили, но люди так боятся, что Рисек узнал бабушку и говорит: «Вы помните я у вас жил?» - «Ничего не помню»- не захотела разговаривать с нами.

Ну, вот вроде все такое интересное, будни были страшные...

-А он примерно вашего роста, потому что вы вот говорили, что ...?

-Рисек, да-да-да, он двумя годами моложе меня, но мальчик. Я была очень-очень малая, худая, а он моё...даже если куда-то не уходил, то каждый вечер, если более-менее спокойно, мама его в мои одежды одевала и они шли уже поздно вечером, чтобы никто не замечал...

-И думали, что это дочка?

-Что это мама с дочкой идет куда-нибудь. Вот всё, всё интересное.

-А потом вот, когда война закончилась, что случилось с Рысеком, кто-то за ним пришел забрать?

-Рисек... его отца и сестра, Рисека родители приехали вот сюда, а сестра его приехала во Львов. И со Львова их вывезли в Сибирь и поэтому они спаслись. И в 45-м году весной они с Сибири возвращались и заехали к нам, забрали Рыську с собой и увезли в Варшаву.

-То есть он до 45-го оставался у вас?

-Да-да, даже... а может быть это 46-й уже был, он уже в школу ходил. Видно 46-й год это был. И у нас, конечно, был у нас. У нас и у меня еще один был...

-Но только он уже не прятался?

-Нет, он в школу нормально ходил. И еще один у нас мальчик был во время...я не помню, какой это год был, но Рысек у нас уже был. Я пошла

щавель насобирать - я вам говорила этот Наполеоновский тракт такой широкий, а рядом ров и заросли, я там щавель собираю и вдруг чёта пищит. Ну ребенок я, интересно, что там пищит. Я посмотрела, а там такой ребеночек лежит – страшный, полуголый, какие-то штанишки...трусики рваные на нем. А весь в золотухе, а весь... ну страх один. Ну, я конечно его взяла его на руки, понесла домой. Ну и что – это мой брат, Юра, мою фамилию носит, живет сейчас в Москве.

-Вы так и не знаете, чей ребенок, откуда?

-Абсолютно не знаю, только говорили после, что ночью, накануне, когда я его нашла, ночью немцы везли огромный...огромный обоз семей партизанских. И везли в Барановичи, чтобы в эти в вагоны, в поезда, ну в какой-то куда-то в большой лагерь везти, в Освенцим или куда. И две версии: или мать умерла его по дороге и ребенка выбросили, или может быть мать, зная что ее на смерть везут, выбросила его. Ну а больше ничего про него, ну знаю что-то... очень близки мы, я у него единственная, единственная родственница. Ну и все собственно, он мне все завденчам, как по-русски сказать, всем обязан мне. И я добилась, что он кончил институт, он строитель. Все нормально.

-А вы одна у ваших родителей или у вас были какие-то родные свои братья-сестры?

-Не-не, я одна, я одна была. Ну и вот эти два брата. И вот уже как в 44-м году пришли Советы, ну мальчики, они почти одного возраста, это нет, этот моложе, моложе Юрка. И они ходили в школу. Ну, этого Рысика после забрали, а Юрка остался с нами до конца, до конца дней своих, до конца, пока стал работать, пока не женился.

-Этого Юру вы тоже прятали или его уже...?

-Нет-нет, мы его не прятали, он жил у нас и все.

-А никто не спрашивал, не интересовался, чей он, откуда?

-Соседский, соседей родители умерли, и мы его приютили и все.

-И полицейские никогда не спрашивали, кто он, откуда?

-Ну нет, может быть, они знали, ну нет-нет, не было каких-то...

-То есть насчет этого проблем не было?

-Не было проблем. После маму забрали в Колдычево, в концлагерь. Ну, я с ними оставалась, с тетей Зосей и...

-А почему вашу маму забрали?

-А ма...она была связной между партизанами русскими и партизанами польскими. И с России пришел приказ, что польских партизан надо уничтожать, потому что они враги Советского Союза, эти польские партизаны. Хотя они тоже против немцев воевали. Ну и русские партизаны такой получили приказ. Как бороться польскими этими партизанами? Вот они в один...выдали связных. И вот маму и еще пять связных забрали в Колдычево.

-Это какой год, не помните?

-Это был, это был уже 44-й год, 44-й где-то апрель.

-Вы помните, как маму забирали? Расскажите, пожалуйста.

-Ой, помню-помню очень. Ночью пришли и, вы знаете, это какой-то дикий... для меня, даже для меня сейчас это такой романтизм ненормальный. Маму забирают, мама в коридорчике, страшно боимся, Рисек под кроватью лежит, если бы ревизия, ну это уже бы сразу убили. А с Колдычева приехали... опять все эти по-русски говорили, по-польски, по-русски, не немцы забирали, немец стоял, а эти забирали. Мама меня обняла и слышите, что она сказала? «Доченька, дзечко коханы, не запоминай жеж полька, вшистка сгруп же бы нигде... же бы выховаць хлопцев» (ну чтобы их воспитать) «и запомни, все вы должны получить образование, тых кто выкшталцоны лепий на свете маси. Вот эти три, ну я исполнила все - я не забыла, что я полька, хлопцы с образованиями устроены. Ну...всё.

-А когда они пришли, они ничего не смотрели, не обыскивали дома, в квартире или только они пришли за ней?

-Нет только, только они...цель была забрать маму.

-Они забрали с какими-то вещами или с пустыми руками?

-Я этого не помню, я плакала просто.

-А сколько полицейских пришло к вам в дом?

-Человек 2 или 3, мало, мало...забрали и на машину, поехали...

-А как они себя вели вот, когда зашли?

-Нормально, нормально...не очень там как-то. Это местные, они знали маму...и всё, забрали.

-И сколько времени она провела там в лагере?

-До освобождения, до...до июля.

-Это было, то есть она провела...или не знаю, сколько там?

-Три-четыре месяца, но после еще началось самое страшное. Русские очень быстро наступали и в... этот концлагерь Колдычево быстро ликвидировали, а мама сидела в карцере там, она никак не хотела ни к чему признаваться и сидела в карцере. И всех, кто сидел в карцере, они или не успели, или забыли убить. И мама с этого карцера, она не вышла, она выползла. Приползла домой. Это-это от Столовичей километра четыре, она просто...у нее страшно...она в воде сидела и ноги опухшие все. На ней живого тела не было, вся так избита была. Ну, мы чем могли, начали маму лечить. И прошло... месяц и пришли Советы и маму забрали. Забрали и очень ее мучили. «Почему тебя немцы не убили, ты была их стукачом» (или как это называется) «ты с ними работала, потому что если бы ты была порядочная, то тебя бы убили, а раз ты осталась жива, ты значит с ними работала». Но мучили ее долго, а выпустили, но мама через полгода умерла. Она слишком уж была избита и морально, и физически.

-А она рассказывала, вот ей в лагере как было, немецком, СД там?

-Вот ничего не говорила, ничего...

-Не рассказывала?

-Она...это слишком было страшно, вы себе не представляете... Она говорит: «Ты знаешь, посадили меня в карцер, и знаешь, как хорошо уже я знаю, что не будут бить, и вода эта по щиколотку. Ну как хорошо, подумаешь вода по щиколотку. И постояла там пару часов, я устала стоять, я села на корточки, уже все ноги, на корточках тоже, я села на колени и так я по пояс уже в воде». А вода холодная-холодная, там ад был. И это...она там сидела долго-долго, и такое... И били, но... Выдали, выдали еще выдали партизаны, а немцы видно этого хорошо не знали - это партизаны русские, партизаны польские, партизаны – это их враги и выдай-выдай, что ты там мало знаешь, мало выдаешь. Был такой страшный момент: я как раз шла по Столовичам и едет грузовик, смотрю по углам стоят немцы – или немцы, или это белорусские полицаи - и везут заключенных. И гляжу, мама сидит в этом. Я как «мамуся!» как крикнула и маму прикладом страшно стукнул, мама упала и я обомлела. Меня после уже нашли и домой завели... домой завели.

А еще к этому... страшный голод, тогда уж мамы не было, вот до того голод был, что вы не представляете, что хотеть есть. Такое, я говорю, уже смешное – Юрка ж маленький, есть хочет, смотрит в глаза. Тетя Зося там какой-то запецик, отодвинула какую-то там фираночку и смотрит, может быть, а ну ж какие-то сухарики, что-то сохранилось. Ничего нет. И какую-то крошку взяла на палец и в рот. «Тетя Зося, цо ты ешь?»- «Говно ем!» - «Ну дай мне того говна».

-А когда вашу маму забрали Советы, вот вы говорили, что они тоже мучали. Они ее тоже били?

-Морально...Она не рассказывала, что били, она говорила только: «Меня посадили и я должна была сидеть» И есть не давали, и, главное, пить не давали. И говорит: «Один за другим приходили, менялись». При маме едят, чай пьют. Она говорит: «Мне не столько есть, сколько пить

хотелось». А она, допустим, трое суток сидела и говорит: «Я падаю со стула - водой поливают... Будешь, сука говорить? Будешь, сука говорить? Кого выдала немцам? Будешь, сука говорить?» Вот такое вот. Всё. Вроде всё.

-Знаете, мы сделаем немножко паузу, потом посмотрим, если есть еще вопросы.

-Так я вам все рассказала.